

Глаголь времянь, металла звонъ“¹⁾.

И это предубѣжденіе противъ русскаго языка высказывалось писателемъ, которому принадлежитъ въ до-пушкинское время великая заслуга въ образованіи нашей поэтической рѣчи, гдѣ ему приписывается даже большее мастерство, чѣмъ у Жуковскаго. Надо думать, что при всемъ художественномъ настроеніи онъ не имѣлъ того глубокаго чутія народнаго языка, какое послѣ отличало Пушкина—хотя, впрочемъ, и нашъ великій поэтъ сказалъ однажды, что французскій языкъ ему болѣе привыченъ, нежели русскій.

Батюшкову чужда была и область народно-поэтическаго преданія. Мы упоминали, что романтическая струя затронула и Батюшкова, какъ показываютъ его экскурсіи въ скандинавскую поэзію и въ Оссіана; но онъ подшучивалъ надъ мистическимъ романтизмомъ Жуковскаго, надъ его пристрастіемъ къ исторіямъ о чертяхъ, вѣдьмахъ, мертвецахъ и т. п., и, кажется, въ самомъ дѣлѣ не имѣлъ вкуса къ народно-поэтическому сказанію и не имѣлъ предчувствія того, какой скрывается въ немъ обильный матеріалъ для развитія національной поэзіи. Въ одномъ письмѣ къ Гнѣдичу 1811 года онъ говоритъ: „Жуковскій написалъ балладу, въ которой стихи прекрасны, а сюжетъ взятъ на Спасскомъ мосту“²⁾. На Спасскомъ мосту, о которомъ поминали еще сатирики конца прошлаго вѣка, смѣявшіеся надъ простонародной поэзіей, шла, повидимому, и теперь торговля незамысловатыми произведеніями народной повѣсти и сказки, и въ шуточной ссылкѣ Батюшкова сквозить это же старое нерасположеніе къ простонародной музѣ. Но въ литературахъ европейскихъ, гдѣ Батюшковъ и его друзья еще искали образцовъ и руководства, народное преданіе приобрѣтало все большую роль, и даже въ литературѣ французской, которая осталась всего дальше отъ народно-поэческаго романтизма, Батюшковъ находилъ у своего любимца Парни скандинавскій сюжетъ, которымъ воспользовался для своего стихотворенія. Слѣдовало ли оставлять безъ вниманія русскую историческую старину? Дружескій кружокъ, повидимому, согласно находилъ, что не слѣдовало, тѣмъ больше, что первыя пробы этого рода были давно сдѣланы Карамзинымъ, Радищевымъ и другими. Жуковскій, уже обращавшійся къ источнику народныхъ сказаній, задумывалъ, какъ извѣстно, цѣлую поэму изъ древне-русской исторіи; но этотъ „Владимір“, къ которому

¹⁾ Т. I, стр. 234—236; т. II, стр. 149, 340; т. III, стр. 164, 457.

²⁾ Т. III, стр. 111.